

Л планета по имени Лайма

Лайму Вайкуле нельзя «потрогать руками» — она таинственна и недоступна. Впрочем, она никогда не вписывалась в наш «звездный круг» и даже сознательно обходила его.

— В силу чисто продюсерских причин американские звезды группируются в Голливуде и иных пригородах Лос-Анджелеса, а бывшие советские — в Москве. Как много вы теряете из-за того, что предпочитаете оставаться в Риге, удерживаясь при этом в течение многих лет в первом эшелоне звезд?

— Теряю деньги — за визу нужно 10 долларов платить. Плюс все остальное — билеты, гостиницы. А то, в каком я эшелоне, не ощущаю. За пять последних лет, когда приходилось часто выезжать в Америку, я, кажется, все сделала для того, чтобы меня забыли. И тем не менее не могу сказать, что это произошло — когда я в Москве, всегда

созваниваюсь со многими друзьями. Вас интересует — с кем? С художником Борисом Красновым, с композиторами Крутым и Матецким, в последнее время — с Аллой...

— Во взаимоотношениях с Аллой Борисовной ваши сильные, огненные темпераменты (и Пугачева, и Вайкуле — по гороскопу Овны) никогда не сталкивались? Ведь есть же такая восточная мудрость: «Две жар-птицы в одну стаю не собираются».

— Мне, наоборот, кажется, что мы очень хорошо понимаем друг друга. Даже бывает так: я что-нибудь говорю, а Алла: «А-а, боже мой, ну точно, точно!» И у меня то же самое. Овны очень ранимы, но они никогда не показывают своих слез. Они всегда и всем будут казаться сильными. Но это — неправда. Овны как раз не уверены в себе и всегда себя грызут. Они вспыльчивы — и это их недостаток.

— Кое-кто считает, что на «большую сцену» вас вытаскила Пугачева...

— На большой сцене я была уже с шестнадцати лет, задолго до многих на-

ших певцов. И, работая в филармониях, объехала полстраны. Я ушла в ночной бар, уже зная, что такое большая сцена, от которой я сознательно отказалась. И никто бы никогда меня снова туда не вытаскил, если бы я сама не решила, что мне нужно вернуться и попробовать опять. Я это сделала благодаря Раймонду Паулсу и Илье Резнику, которые написали для меня хиты.

А дальше мне самой пришлось рыть носом землю — искать деньги на то, чтобы сделать костюмы, содержать коллектив. Мы тогда продали машину, продали все. Для того, чтобы начать сначала. И как-то быстро-быстро стали популярными.

— У вас никогда не возникало желания перебраться в Москву — центр шоу-бизнеса? Там ведь намного проще заниматься своими продюсерскими делами.

— Мне очень нравится Москва. После Риги это, наверное, второй для меня родной город. У меня здесь много друзей, и я хотела бы иметь в Москве квартиру.

— Так в чем же проблема?

— В деньгах.

— Но вы ведь имеете постоянные апартаменты в посольстве Латвии в Москве.

— Пока они есть, но я не знаю, как долго это будет продолжаться. Сегодня так быстро растут цены.

— А может, поселившись в Москве и став исключительно русской певицей, вы разрушите собственный имидж иностранки и утратите непоколебимый прибалтийский шарм, столь ценный в бывшем СССР?

— А я не стану русской. Это то же самое, как эмигранты, уехавшие в Америку. — они думают, что стали американцами. Не стали. Я жалела в Америке наших русских, едва сдерживала слезы. Почему? Я прожила там год, и самым большим счастьем для меня был ста-

рый фильм «Девчата», который я случайно нашла в одном из телеканалов для эмигрантов. Я рыдала... Такая тоска, такая депрессия, такое желание увидеть своих близких, домашних. Я поняла, что все они на 99 процентов прошли через это. Американцами не стали, а русское — потеряли...

— Многие известные актрисы, прожив все и вся на алтаре сцены, чисто по-женски просто несчастливы.

— Я вообще не понимаю, что такое быть счастливой. Овен быстро сгорает: ему интересно-интересно, а потом раз — и уже все неинтересно! Что такое женское счастье? У меня есть собака, ха-ха, это для меня — женское счастье! И я бываю несчастлива, если не могу уделить ей время — она тогда всех кусает дома.

— Почему вы завели такую страшную собаку? (У Лаймы собака породы ротвейлер по кличке Кэнди. — А. Д.)

— Каждый человек, наверное, заводит что-то похожее на себя. Мне импонирует сила, я ее уважаю. Кэнди не позволяет с собой делать, что угодно.

— А если вы начинаете понимать, что это та сила, которая на вас давит?

— Так обычно не бывает. Лично мне в своей профессии надоело бороться. Чем эта профессия сложна и отвратительна? Тем, что постоянно приходится доказывать: ты — лучше. А я ничего вообще не хочу доказывать, не хочу никого убеждать, что я лучше, например, Семеновой. Мне совершенно все равно, что делает Семенова. Не потому, что именно Семенова. Да любое имя! Я не ревную, не боюсь конкуренции, потому что, уверена, сделаю на сцене все, что могу. А что-то я все-таки могу!

— Вы вообще сильно отличаетесь от аборигенов нашей эстрады, даже в том, что не тусуетесь — по именинам, банкетам, ресторанам.

— Я не пью, не курю, мне неинтересно ужинать в ресторане. Но если собирается хорошая компания, с удовольствием к ней присоединяюсь. Не нравится, когда ко мне пристают. Если я хожу на пляж, то хочу, чтоб меня не видели.

— Вы боитесь разрушить таинство

своего имиджа?

— Мне плевать, что обо мне подумают! Я слишком сильная для того, чтобы что-то из себя строить.

— Почему вы решили спеть дуэтом с Титомиром? Публика по привычке истолковала этот альянс как очередной роман, кое-кто из ваших коллег — как возможность завлечь подростковую аудиторию, которая от вас якобы уходит...

— Просто он — хороший музыкант. Другое дело, какой стиль он выбрал. Может, зарылся слишком глубоко, и люди уже не понимают, куда он зарылся. Что же касается слухов... Не исключено, что у нас мог бы быть и роман. Но я просто вышла и пела с ним, не думая, что будет после.

Кто сказал, что от меня уходит молодежная аудитория? Куда уходит? Главное, чтобы они пришли на мой концерт — после этого они уже никуда не уйдут... Ой, это опять не я! Да мне плевать, что думает пятнадцатилетний ребенок. Я круче его на сто голов. От кого он еще может столько взять? Во всяком случае, кто у нас еще так работает, как я?

— У вас нет детей... Как вы себя в этом смысле чувствуете?

— Колоссально! У меня есть собака. Я для собаки не нахожу время, а что я буду делать с детьми?

— Вас не удручает, что, может быть, слишком много отдано сцене?

— Для меня нет ничего дороже, чем сцена.

— Но наступит момент — и жизнь на сцене окончится.

— Не только на сцене, а вообще. Что радует: не только моя, но и ваша тоже. Я шучу, конечно... У нас у всех что-то когда-то закончится. Ну и Бог с ним! Я не живу завтрашним днем, я живу сегодняшним. Не люблю загадывать, но знаю, что все может закончиться гораздо быстрее, чем мы думаем.

— Почему?!

— Не важно почему. Не хочу всего говорить, не хочу, чтобы все знали все. У меня есть что-то личное, и пусть оно будет. Поэтому не строю планы, дворцы, дома, не собираю деньги на книжку. Я не хочу так жить! Не хочу быть миллионером — я хочу жить, как миллионер. Я сегодня жива — значит, могу подарить своим родным, друзьям что-то хорошее. Не имею в виду вещи, хотя и это я могу сделать, хочу любить и хочу, чтоб меня любили. Хочу жить сегодня и что-то сделать сегодня — хотя бы такой фестиваль, как «Юрмала».

— А ведь вы при внимательном рассмотрении производите впечатление практичного человека, думающего о завтрашнем дне.

— Ни в коем случае. Я думаю о сегодняшнем. Я просто хочу успеть что-нибудь сделать. Я многое узнала и очень сильно изменилась. Стала понимать то, чего не понимала раньше. Стала больше любить людей, животных. Могу заплакать, когда в Африке умирают голодные дети. На весь день мне может испортить настроение убийство в Азербайджане или Армении. Меня все трогает, волнует... Не знаю, что со мной произошло. И некогда мне думать о даче! Может, и хотела бы я иметь дом, где будет много собак и цветов, но...

— Чего вы не можете прощать людям?

— Слабости, предательства. Мне больше жалко безмолвно страдающего сильного, чем плачущего слабого.

— А вас часто обманывали, предавали?

— Нет, я ведь этого просто не замечаю. Наверное, из-за того, что раз я не нуждаюсь ни в ком, то меня и предать невозможно. Замечательно сказал один мой знакомый философ: «Тебя можно обидеть ровно настолько, насколько ты обижаясь».

— Вы ведь не любите раскрывать свою душу?

— Я просто думаю, что это никого не интересует.

Беседовал
Андрей ДОМНИЧ.